

ДУХ НАРОДНОСТИ

Впечатления живописца от встречи с писателем Василием Беловым

Имя писателя Василия Белова хорошо известно миллионам читателей. Это — автор романа «Канун», многих повестей, рассказов и пьес, глубокий психолог, хорошо знающий быт, язык и характеры жителей северной русской деревни. Уже по его первым произведениям Александр Твардовский увидел в Василии Белове талантливого ученика Ивана Бунина. Можно представить мою радость, когда на мое письмо с просьбой позировать писатель ответил согласием.

Собираясь к нему в Вологду, я вдруг разволновался. Как-то встретит меня писатель, лауреат Государственной премии СССР? К тому же я знал, что в последние годы Василий Иванович много работал над очерками о народной эстетике, о его строгих критериях в оценке произведений искусства.

В Вологде позвонил Василию Ивановичу, и мы договорились о встрече. Прохожие охотно помогли мне найти нужный адрес. И было отрадно видеть, как гордятся вологодцы своим знаменитым земляком, с каким уважением отзываются о его творениях...

И вот я поднимаюсь по лестнице пятиэтажного дома, звоню в дверь квартиры Белова.

Открыл мне сам хозяин. По обложке «Роман-газеты», где был помещен портрет писателя, мне представилось, что В. Белов — богатырь с окладистой бородой. Передо мной же предстал невысокий мужчина, округлая борода которого была чуть озорно вскинута. Он приветливо улыбался. Его темные глаза, поглядывая из-под нависших белесых бровей, как бы спрашивали: «Ну-ка, ну-ка, что вы за человеке?».

Василий Иванович пригласил меня в комнату. В ней стоял большой рабочий стол. На стенах — живописные пейзажи, жанровая картина, изображающая в празднично-веселых тонах сельское гулянье...

— Здесь я почти не работаю — больше в деревне, — рассказывал Василий Иванович...

Голос баритональный с доверительными интонациями. Я не сводил глаз с Белова. Он был явно смущен таким вниманием, добродушно смеялся.

Я нашел удачное положение и освещение. Пока готовился к работе, разговор не прекращался. Непривыкший к позированию и даже к минутной бездеятельности, он старался так расположиться на стуле, чтобы дать больше возможностей работать мне. И вскоре почувствовал себя свободно, непринужденно. Передо мной сидел несколько уставший, но полный жизненных сил и энергии человек, стремящийся поведать людям что-то очень нужное им.

Говорили об искусстве.

— Не сторонник я тех новаций в искусстве, которые не обогащают человеческий образ, — сказал он. — Ведь тем и ценен опыт древних живописцев, что они еще на заре общественного уклада обращались к самым высоким ценностям духовной жизни человека.

В разговоре о живописи коснулись вопроса колорита.

— А что такое колорит? Все ли цвета сочетаются?

Я высказал свое мнение: как в музыке существует гармония звуков, существует и какофония.

— Какофония — это абсурд. Музыка, как высочайшее выражение духа народа,

живет по своим законам. Всякое насилие над ними — кощунственно...

О многом еще переговаривали мы во время сеанса. Мне запомнились простота и сердечность большого писателя. Он ни словом, ни намеком не давал почувствовать своей эрудиции, не говорил о занятости или значительности того, о чем пишет...

Он собирался в обком КПСС. Шли некоторое время вместе: нам было по дороге. На одной из улиц, прежде чем проститься, остановились.

— Давно хочется побывать в Иванове, — сказал он. — У меня же там тетя по материнской линии. Обязательно надо побывать...

Я сделал сначала графический портрет писателя. Позднее — живописный. Сейчас он демонстрируется на художественной выставке, которая открыта в средней школе № 5. Но чувство неудовлетворенности не покидает меня. Работу над портретом буду продолжать.

В. СТЕПАНОВ,
художник.

На снимке: репродукция с портрета В. И. Белова.